

М. В. Серова

**СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ
ЛЮДМИЛЫ КУТЯНОВОЙ***

В статье раскрываются особенности индивидуального мышления удмуртской поэтессы Людмилы Кутяновой, обусловленные спецификой национального психотипа. Демонстрируется конструктивная роль поведенческих «стереотипов» в выборе жизненной стратегии лирической героини, статус которой определяется миссией сохранения общекультурной памяти, что комментирует позицию биографического автора в отношении к собственному творчеству.

Ключевые слова: мифопоэтика, архетип, идентичность, «личная философия», менталитет, поведенческий «стереотип», женская лирика.

На сегодняшний день имя Людмилы Кутяновой прочно вписано в контекст удмуртской женской поэзии наряду с именами Татьяны Черновой, Аллы Кузнецовой, Галины Романовой. Однако этот литературный контекст мало знаком русскоязычному читателю в связи с совокупностью очевидных социокультурных обстоятельств.

Во-первых, как констатировала Л. П. Федорова, «в удмуртской литературе женская литература имеет лишь вековую традицию, женщина-удмуртка заявила о себе только в начале нашего (уже прошлого. – М. С.) столетия» [6. С. 155].

Во-вторых, несмотря на то, что поэзия названных авторов переведена на русский язык, она, в силу своего этнического генезиса, требует так называемого двойного перевода – с русского на русский: подобная процедура, на наш взгляд, – единственный путь к межкультурному диалогу, позволяющий сконструировать и модель общенационального сознания, и систему «личной философии» [4. С. 32] каждого автора.

По поводу семантических и эстетических возможностей перевода известный этнограф и историк В. Е. Владыкин выразился афористически безукоризненно:

* Работа выполнена при поддержке проекта № 12-И-2021 Президиума УрО РАН «Литературные стратегии и индивидуальные художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX – первой трети XX века».

«Перевод, как говорится, тот же ковер, но с изнанки» [1. С. 294]. Он сформулировал также мысль, объясняющую инвариантность тем и мотивов женской поэзии, о которых писала В. Г. Пантелеева [4. С. 168–187]. С поверхностной точки зрения, их можно воспринимать как однообразие смыслового и эмоционального диапазона, что затрудняет разговор о «личной философии»: для удмуртского уклада ценно понятие *обицины*: «...община всегда проповедовала “быть сообща”, “как все”, “не выделяться”. Это была своеобразная философия социальной мимикрии, человек как бы полностью растворялся, терял свое лицо, точнее, он его так и не обрел [...]. Очевидно, не случайно в удмуртском языке так и не выработалось понятие “личность”» [1. С. 260].

Тем не менее в XX в. национальное мироощущение, воплощенное в художественных формах, осуществило эволюцию, которую по отношению к женской литературе весьма рельефно прочертила Л. П. Федорова: «Удмуртская женская литература, на мой взгляд, представлена тремя волнами, в которых четко обозначены следующие периоды: 1920–1930-е гг. (Ашальчи Оки, Мария Баженова [...]), 1960-е гг. (Степанида Иванова, Лидия Чернова, Алевтина Аникина, Юлия Байсарова, Людмила Хрулева и пр.), 1980–1990-е гг. (Людмила Кутянова, Татьяна Чернова, Галина Романова...)» [6. С. 155].

На наш взгляд, весьма примечательно, что Людмила Кутянова прочно связана с третьей волной художественных поисков в удмуртской литературе, то есть с периодом, когда, по мнению В. Л. Шибанова, в национальной культуре ярко проявил себя этнофутуризм [7. С. 247] – направление, к которому принято относить совсем других авторов: М. Федотова, П. Захарова, самого В. Шибанова, Р. Мина, С. Матвеева, Л. Нянькину и др. [2].

Однако, со ссылкой на Ф. К. Ермакова, В. Л. Шибанов отмечает, что этнофутуризм – очень широкое понятие, так как, с точки зрения Ф. К. Ермакова, Кузубай Герд и Ашальчи Оки – «лучшие футуристы [...] зато с творчества современных этнофутуристов О. Четкарева и В. Ар-Серги начинается [...] закат истинного этнофутуризма» [7. С. 241].

В. Л. Шибанов же считает, что «этнофутуризм – это диалог с фольклором, точнее, архаической мифологии с постмодернистской современностью» [7. С. 248].

Если абстрагироваться от эстетики абсурда, неотъемлемой составляющей этнофутуризма, а сделать акцент на глубинном этническом компоненте удмуртской женской поэзии, то именно в ней можно почувствовать мучительную попытку диалога поэтического сознания, базирующегося на древних архетипических структурах, с современностью, ибо, как пишет В. Е. Владыкин, «именно через женщину передавалась религиозно-мифологическая информация [...]». Удмуртские предания связывают воршудские названия с именами “счастливых женщин”, прародительниц, которым впоследствии стали поклоняться удмурты» [1. С. 279].

Важно также учесть мысль В. Г. Пантелеевой о том, что «...национальная среда и опыт формируют социальный стереотип – “модель поведения” человека, которая ярче всего, пожалуй, бывает спроецирована в любовной лирике, а ранее – в народной песне» [5. С. 169].

Этот стереотип проявляется в таких тематических комплексах женской поэзии, как: «любовь – горе, беда, боль, несчастье», «любовь – разлука, одиночество», «любовь – неутоленное ожидание», «любовь – страх потери счастья», «любовь – жалость», «любовь – горькая судьба, участь, доля» [5. С. 169]. Конечно, тот же стереотип можно встретить и в русской (женской и не женской) поэзии, но именно в удмуртском поэтическом сознании интенсивно выражено «очень четкое противопоставление любви счастью» [5. С. 169].

Своеобразие поэзии Л. Кутяновой Л. П. Федорова видит в том, что она «реалистична и песенна» [6. С. 166]. В. Г. Пантелеева в характеристику лирической героини поэтессы включает следующие качества: «Она креативна, т.е. сверхчувствительна, наделена обостренным воображением, даром прорицания, склонна к бреду, полету души, магии...» [4. С. 41].

Эти общие наблюдения, учитывающие литературный контекст, бесспорны, однако они не снимают вопроса о «личной философии», определяющей статус автора и место в истории литературы – в более широком дискурсе, нежели национальный, хотя, разумеется, без учета этнического компонента эту философию вряд ли возможно реконструировать.

На наш взгляд, наиболее декларативным является стихотворение Л. Кутяновой «Так хочется жить», открывающее ее подборку в сборнике «Мир женской души» [3]:

Так хочется жить,
Чтобы сердце взмахнуло крылами,
И взлетело бы к звездам полночным,
И светило бы оно вместо солнца...
Так хочется жить.

Так хочется жить...
Чтобы мысли мои расцветали,
Как сады на ухоженных землях,
Чтобы мысли мои городами
Вырастали, как мощные горы...
Так хочется жить.

Так хочется жить,
Чтобы ты среди разных имен
Только имя мое отличал бы...
Чтобы ты обессилен, когда
Вдруг посмеешь покинуть пределы
Мной любимого дома. И снова
Чтобы в дом ты вернулся, любимый...
Так хочется жить (С. 14)*.

В трех десятистрочных строфах выражены основные ценности лирической героини. Строфы скреплены шестикратным повтором: «Так хочется жить», – выполняющим сакральную, магическую функцию. Аксиологическая

* Здесь и далее тексты Л. Кутяновой цит. по [3] с указ. стр. в скобках.

шкала, обеспечивающая героине витальность, базируется на эмоциональной и интеллектуальной целостности ее как субъекта речи, вписанного в идеальную модель мира. По вертикали «верхом» этой модели являются «звезды», «солнце», в середине – «сады», «горы» и только внизу – «дом». Но именно понятие «дома» сопровождается эпитетом «любимый», соотносимым также с героем и даже отождествляемое с ним. В этом смысле креативное начало героини проявляется не только на уровне женской магии (сакральный повтор), но и на уровне активного мужского жизнестроительства. Как пишет В. Е. Владыкин: «...он (крестьянин. – М. С.) своими руками готов строить этот совершенный, по его воззрениям, мир, причем, не где-нибудь за тридевять земель, в каких-то обетованных странах, не в небесах, а вот тут на родной земле, прямо у себя на дворе» [1. С. 311–312].

Так в контексте религиозно-мифологического архетипа в поэтическом сознании Л. Кутяновой преодолевается модель поведения, связанная с переживанием национальной депрессии, обусловленной более поздними культурно-историческими катаклизмами, что, конечно, не устраняет в ее стихах ни общечеловеческого, ни чисто женского трагизма.

Общечеловеческий трагизм обусловлен в первую очередь переживанием неумолимого бега времени, который женской натурой ощущается наиболее остро. Об этом – стихотворение «Идут года»:

Идут года, идут.
Их не удержишь никакой мольбой,
Не остановит их запрет любой,
Любой тобой построенный редут, –
Они идут, идут.
Морщины оставляя на челе,
На сердце раны. Видно, на земле
Уже не зарубцуются они,
И оттого печальны наши дни (С. 15).

Общепозитическая рефлексия индивидуализируются здесь смысловым нюансом, суть которого – в понимании, что перед вечностью бессильно даже Слово в его сакральной молитвенной функции, чутко воспринимаемой удмуртским национальным сознанием. Любой этнос конструирует идеальную модель мира именно в процессе молитвы. Как пишет В. Е. Владыкин, «Слову придавался сакральный смысл. Сама заклинательная речь уподоблялась акту магического творения, достижению желаемого» [1. С. 298]. Таким образом, несмотря на актуальный для поэтического сознания Л. Кутяновой религиозный архетип, романтический идеал бессмертия нивелируется трезвым реализмом, основанным на эмпирическом опыте.

Ее концепция жизни укладывается в афористическую формулу, лаконизм которой говорит сам за себя:

Наша жизнь –
Это крик единственный
От рождения до упокоения,
Крик отчаяния и мольбы:

«Полюби меня!
Полюби!» (С. 21).

В качестве адресата обращения уместно понимать не героя традиционных чувственных переживаний, а трансцендентный абсолют, т.е. Бога, которому подвластны логика и содержание человеческой жизни – «от рождения до упокоения», о чем свидетельствует указание на жанровый архетип: «крик мольбы».

«Мольба» как инвариант молитвы – пожалуй, наиболее характерная для лирического мышления Л. Кутяновой поэтическая форма, во многом определяющая специфику выражения любовных чувств лирической героини. Иногда эта форма обозначена прямо, как в стихотворении «Мольба». Порой – в словесной формуле «Помоги мне», вынесенной в название, с самого начала проявленной мольбой о духовной помощи, и эмоционально усиленной кольцевым повтором в финале:

Ты помоги мне,
Слышишь,
Милый мой... (С. 24).

Основной корпус этого текста составляют портрет героя и внутренняя характеристика, представляющие его как экзистенциальную загадку для героини, чем опровергается традиционный женский стереотип о примитивности мужской психологии:

О, ты не прост.
Скажу наверняка.
Тебе легли на плечи облака,
И золотые солнышка лучи
В твоих кудрях играют до ночи.
И ветер удивляется тебе,
Себя с тобою чувствуя слабей.
И даже ветер, слышишь, милый мой,
Защиты ищет у тебя порой.
Ведь ты большой,
О, ты такой большой! (С. 24).

С архетипической точки зрения, перед нами, вероятно, образ древнего Алангасара, с которым героиня, однако, дерзает вступить в духовное состязание:

Ты гордый! Да
Смирить твою гордыню
Решила я (С. 24).

Однако ее решимость не опровергает первичности мужского начала, с которым связываются и языческие, и христианские представления о Боге. В данном случае цель героини не в утверждении женской самости, а в попытке реализации собственного духовного роста («чтоб вырасти с тебя величиной»), что неосуществимо без духовно-волевой поддержки героя, обеспечивающей ей внутренний стержень – непоколебимый «ствол».

Стереотип об упрощенности мужской психологии разрушается и в других стихах Л. Кутяновой, где герой – всегда тайна, разгадка которой сопоставима с ее самопознанием:

А в глазах у тебя
Что за мир потаенный такой?
Рядом был, не сказал ничего
И унес мое сердце с собой (С. 43).

Идеализация героя-великана формирует в мироощущении лирической героини образец (как выше сказано) духовного роста, связанный с религиозно-мифологическим культом деревьев:

Словно люди, деревья
Все спешат, подрастая,
Все растут,
 свои ветви
В небеса простирая...

Ах, березка, не скрою,
Я, как дерево.
 Мне бы
Дотянуться рукою
До высокого неба...

С каждым годом все выше
Я расту,
 как деревья.
Выше звездного неба,
Где никто еще не был... (С. 18).

Здесь деревья воплощают ту самую духовную вертикаль, символизирующую стремление к Богу, мечту о трансцендентной высоте, связанную с идеей самосовершенствования в мироздании.

В традиционный для лирики межличностный уровень взаимоотношений мужчины и женщины поэзия Л. Кутяновой включает элементы «личной философии», обеспеченные ее этнокультурным психотипом. Приведем в пример стихотворение «Рождение любви»:

Сердце страшится еще
 предстоящих вздохов глубоких.
Сердце лукавит еще,
 боясь перемен,
Сердце стремится еще
 обойти эту клетку сбоку –
Черным ходом сбежать и от верности, и от измен (С. 22).

Любовь в человеческом, а не в метафизическом измерении, связана в ее поэтическом мире с чувством страха перед ситуацией духовной несвободы, ибо эта ситуация, в которой человек (не важно, женщина или мужчина, гендерный статус лирического субъекта в тексте не обозначен) лишен личной инициативы

и вынужден подчиняться роковой неизбежности, предопределенной его человеческой сущностью:

Но – задвинут засов –
И уже не поможет ни шепот, ни крик (С. 22).

Трагизм любовной ситуации в лирике Л. Кутяновой во многом определяется диалектикой «судьбы» и «случая», их драматическим несовпадением:

Средь многих лиц в толпе –
Одно мелькнуло...
Мне сердце подсказало: это – ты!
Всю память наша встреча всколыхнула,
Все прошлые и новые мечты.

Но возвратились с полпути обратно
Все чувства,
Пробужденные тобой.
Лишь потому, что стало мне понятно:
Ты не признал меня, желанный мой (С. 23).

Важно отметить свойственное ее лирической героине философское отношение к этой диалектике. Так называемая «не-судьба» не опровергает ценностного статуса отношений «сердце в сердце», поскольку, если даже герои разошлись в реальных жизненных обстоятельствах, взаимность все равно осуществилась на тонком, эмоциональном, психологическом уровне. Этот план взаимоотношений сопровождают образы-символы: «солнце», «молния», «звезда» (в стихотворении «Любимому моему»):

Вспыхнет молния в небе – и нет следа.
И забудет о ней звезда.
Сердце в сердце живет порой,
Мой красивый, любимый мой (С. 49), –

придающие ситуации не индивидуально-психологический, а универсально-мифологический смысл.

Такая жизненная установка позволяет лирической героине достойно справиться с «расхождением с судьбой», подавлять свои душевные порывы, признавая самодостаточность «другого» и «другой» – той, которой она оказалась предпочтена («Иди», «Играла легко...», «Я не виновата», «Другая», «Кольцо», «Свадьба», «Смущение» и пр.).

Во всех этих стихотворениях варьируется ситуация рефлексии: насколько человек способен влиять на исход того или иного случая, виновен ли он в личном трагизме. В стихотворении «Я не виновата», построенном на характерном для Л. Кутяновой приеме закольцовывания текста формулой, вынесенной в название, представлен личный итог ее размышлений:

Все искала тебя, исходила моря,
Опускалась в глубины – на самое дно,
В облака поднималась... Вина ли моя,
Что с тобою не встретились мы все равно.

Научиться бы жить. Только как без тебя?
Ты всегда был моим неувиденным сном.

Догорела надежда. И знать, не судьба.
Видно, ты стороною обходишь мой дом...

Луч искал тебя,
в сердце родившись моим,
И вернулся назад. Виновата ли я? (С. 33).

Если на психологическом уровне лирическая героиня Л. Кутяновой, как мы уже говорили, стремится к духовной соразмерности волевому мужскому началу, на поведенческом уровне она остается верной национальному психотипу: застенчивости или робости по отношению к жизненным (в частности любовным) обстоятельствам. В стихотворении «Я навстречу милому шагну ли?» скромность не позволяет женщине проявить инициативу, обещающую ей почти гарантированное счастье с возлюбленным, при всем том, что она чувствует взаимное влечение («...ведь, похоже, / Обо мне задумался он тоже»). Результат ее колебаний – «опоздание», утрата, одинокий удел: «Оглянулась – вижу: опоздала...» (С. 31).

Характерно, что герой тоже не решился сделать первый шаг навстречу судьбе, так что робость по отношению к жизни в этническом дискурсе – отнюдь не гендерная характеристика, что в целом придает развернутой межличностной ситуации общечеловеческий смысл.

Тем не менее женскую «потерю» в данном случае можно воспринимать как «обретение»: героине удалось остаться самой собой, сохранить и свою женскую, и национально-культурную идентичность, то есть психологическую целостность.

Об этом же – стихотворение «По-разному приходит к нам любовь», где вновь говорится о бессилии человека перед логикой жизни, о невозможности спрогнозировать счастье, ухватиться за «однажды» и бесстрашно встретить случай как вожделенное «волшебство»:

По-разному приходит к нам любовь,
Ее путей к сердцам не распознать.
Хотела в мае встретиться с тобой,
Но вот сентябрь. И сколько можно ждать?

Возможно, утрашилась, что мечты
Однажды рухнут? Или взгляд его
Тебя испепелит, и станешь ты
Его рабой. Исчезнет волшебство...

Однажды он пришел и рядом сел,
Но робко, как случается во сне.
И кто из нас двоих был так не смел?
Прости, что я тоскую по весне (С. 58).

«Тоска по весне» – это тоска по зарождению новой жизни: лирическая героиня Л. Кутяновой, в силу своего этнического менталитета, ощущает биологические ритмы природного космогонического цикла, от которых напрямую зависит ее эмоционально-психологическое состояние. Особенно обостренно переживает она переходные периоды в природе, передаваемые через олицетворение при-

родных явлений. Таким образом, в ее поэзии воссоздается почти мистическая атмосфера, царящая в мироздании. Например, в стихотворении «Февраль» этот месяц представлен в образе злого языческого божества, участвующего в ежегодно повторяющейся схватке между жизнью и смертью:

Летит февраль, деревья гнет к земле,
На вой уже похожи взрывы смеха.
Весь мир мечтает погresti под снегом,
Весну предчувствуя, становится все злей (С. 19).

Лето воспринимается как пик жизни («Когда зацветает цветок грозы»), однако и в эту пору героине свойственно чувствовать приближение конца жизненного процесса, происходящего не только в природе, но и на уровне духовно-биологического существования человека: «Весть августа придет потом...» (С. 20).

Именно переживание неотвратимой смены периодов умирания и оживления побуждает лирическую героиню ценить витальные моменты полноты бытия. Драматизм существования (бытовой и экзистенциальный) преодолевается в процессе растворения в природе, обеспечивая ей условия духовного полета («Обнимусь с травой густою...»):

Позабуду все печали –
Жить с печалью не хочу!
Крепнут крылья за плечами,
Вот возьму и улечу! (С. 28).

В эмпирическом же ракурсе существования лирической героини есть в стихах Л. Кутяновой единственное указание на возраст и житейский опыт («Мечтаю...»):

Но возраст
Не дает уже расправить крылья.
И сын подрос.
И груз обид и слез – растет (С. 57).

Так же фрагментарно обрисована повседневность жизни в не очень характерном для поэтического мироощущения Л. Кутяновой стихотворении «В дождь»:

Снова сумрачный день, снова тяжкая мгла
Мне высокой тоскою на плечи легла,
И небесные воды, покинув жилье,
До краев переполнили сердце мое.

Дождевую слезу на ладонь я приму.
Истрадавшейся, кто мне ответит: кому
Предназначен течением будущих дней
Этот сумрак души моей, веры моей?..

Кто ответит душе? Замирает душа.
Дождь идет не спеша, дождь идет не спеша... (С. 47).

В данном случае «сумрак души» подвергает сомнению веру в смысл личностного существования человека.

Однако помимо ценности личного статуса человека в бытии, в стихах Л. Кутяновой активно выражена идея родового начала, посредством которой реализуется не только стоицизм перед лицом жизненной трагедии, но и так называемое «веселье в печали»:

Муж любимый ее взят проклятой войной.
Было счастье и вот – будто смыло волной.
Вечерами Матрена песни дочери пела,
И на сердце ее как-то сразу тепло.

А ночами глухими горем полнилась грудь,
Не могла до утра глаз в потемках сомкнуть.
Сколько в пламени слез дум горячих сожгла!
Но не гасла надежда, в сердце радость жила.

Словно свет лучезарный эта вера горит.
Буйной радугой красок в сердце радость хранит.
А соседи порой головою качали,
Удивлялись: «И что за веселье в печали?...» (С. 17).

В удмуртском менталитете представления о счастье связываются в первую очередь с детьми как символом будущего, а песня для удмурта – непереносимое условие «веселья в печали». В женском исполнении – это способ реализации жизнеустойчивого эмоционального психотипа. Именно песней преодолевается усталость от повседневных забот и межличностных неурядиц. В песне растворяются бытовые обиды («Сердце устало страдать...»):

Любовь моя, неужели
Мы свою песню допели?
Новый рождается день,
Твоя растворяется тень (С. 48).

В песне осуществляется акт личной и общечеловеческой памяти: так удмуртский менталитет сохраняет национальный культурный код, в котором зашифрована тайна жизни и смерти и заключен потаенный смысл любви:

Свистал и щелкал соловей
Среди раскидистых ветвей
Черемухи твоей.

Он пел о том, как я жила,
Как я любила и ждала,
Как счастье я звала...

Отмерив долгий срок земной,
Пройдет ненастье стороной –
Я вспомню о тебе, родной... (С. 32).

В творчестве Л. Кутяновой тема любви выходит за рамки психологического дискурса, разрастаясь до мифопоэтической концепции принципа мироздания. Любовь как главная универсалия бытия – единственная правда спасения души в вечном круговороте смертей и рождений:

Правда ли то,
Что лишь ради Земли
Солнце восходит каждым утром?..

Правда ли то,
Что для счастья на Свете
Люди рождаются и живут?..

Любимый уходит....
Ну, что же ты? Останови! (С. 41).

Это знание лежит в основе ее генетической памяти, сохраняющей рудименты общечеловеческой утопии о гармонической связи мира и человека. Эту память, реализуемую в акте поэтического творчества Л. Кутяновой, ее героиня стремится активизировать в людях:

Помнишь?
Васильков букет,
Средь колосьев созревших,
Шелест в твоей руке,
Нежно колоски ласкавшей.
Помнишь?..

Помнишь?
Жаворонок нам
Песню пел и ты был рядом.
И счастливей быть не надо, –
И не будешь никогда...
Помнишь? (С. 27).

В сущности, позиция автора в творчестве Л. Кутяновой сводится к реализации женской миссии, в архетипическом статусе состоящая в том, что именно женщина в удмуртской мифопоэтической картине мира – хранительница и национальной памяти, и общечеловеческой мудрости. Этот опыт содержится в ее подсознании и определяет так называемые поведенческие стереотипы лирической героини, обеспечивающие ее достоинство перед обостренно переживаемой трагедией жизни:

Спрятанной на самом дне
Смелости на грош во мне.
Мне бы впору распрявиться –
Храбрая я лишь во сне.

Разве сердце проведешь?
Поумнело сердце. Что ж –
Мне бы в пору похвалиться:
Знаю правду, знаю ложь.

Та, что жизнью названа,
Унесет тебя волна,
Наши голоса и лица
Буду помнить я одна (С. 46).

Таким образом, органично впитанный этнический психотип не ретуширует индивидуальное «эго» Л. Кутяновой, а напротив, рельефно проявляет его, свидетельствуя о том, что в удмуртской поэзии XX в. сформировалось выстраданное национальной культурой понятие «личность».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Владыкин В. Е. Религиозно-мифопоэтическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.
2. Душенкова Т. Р. Неомифологизм в удмуртской поэзии середины 1990-х годов. Ижевск, 2013. 168 с.
3. Мир женской души: Стихи / Людмила Кутянова, Татьяна Чернова, Алла Кузнецова, Галина Романова; пер. с удм.; сост., предисл. А. Зуевой. Ижевск: Удмуртия, 1992. 256 с.
4. Пантелеева В. Г. Инвариантные мотивы в удмуртской женской поэзии // Удмуртская литература XX века. Направления и тенденции развития. Ижевск, 1999. С. 32–47.
5. Пантелеева В. Г. Тема любви в удмуртской лирике: инварианты и метаморфозы // Движение времени – движение литературы. Удмуртская литература XX века. Ижевск, 2002. С. 168–189.
6. Федорова Л. П. Краткая история удмуртской женской литературы // Движение времени – движение литературы. Удмуртская литература XX века. Ижевск, 2002. С. 155–168.
7. Шибанов В. Л. Современность и этнофутуризм // Движение времени – движение литературы. Удмуртская литература XX века. Ижевск, 2002. С. 245–252.

Поступила в редакцию 18.08.2014

М. V. Serova

Specifics of Artistic Thinking of Lyudmila Kutyanova

The article reveals the peculiarities of individual thinking of the Udmurt poet Lyudmila Kutyanova, conditioned by specific of national psychotype. The constructive role of behavioral stereotypes in choosing a life strategy of the lyrical heroine, the status of which is determined by the mission of preserving cultural memory is demonstrated. This comments the position of the biographical author in relation to his own creativity.

Keywords: mythopoetics, archetype, identity, ‘personal philosophy’, mentality, behavioral ‘stereotype’, female lyrics.

Серова Марина Васильевна,

доктор филологических наук, профессор,
Удмуртский государственный университет
420034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: serova1967@inbox.ru

Serova Marina Vasiljevna,

Doctor of Sciences (Phylology), Professor,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: serova1967@inbox.ru